

А. М. Сморгков

ПОНТИФИКИ И СОБРАНИЯ ГРАЖДАН (CONTIONES, CONCILIA, COMITIA) В ЭПОХУ РИМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Верховный понтифик занимал особое положение в системе руководства римской гражданской общины, хотя и не был главой римской жреческой организации. Его административные полномочия, в разной степени, распространялись на коллегия понтификов и примыкающих к ней весталок, фламинов, царя священнодействий и младших понтификов. Тем не менее, авторитет верховного понтифика был исключителен, так что в историографии дискутируется вопрос о наличии у него некоторых магистратских полномочий как наследия царской власти, хотя сам он магистратом не был. Наиболее полно эту концепцию сформулировал Т. Моммзен¹. Она была подвергнута сомнению в работах Й. Бляйкена и других исследователей². Прежде всего их возражения вызвал тезис о наличии у верховного понтифика империя (и соответствующих ауспий)³.

Аргументы оппонентов Т. Моммзена, на мой взгляд, весьма основательны. Тем не менее, некоторым дискуссионным проблемам было уделено явно недостаточное внимание. В первую очередь необходимо еще раз обратиться к вопросу о месте и роли верховного понтифика на так называемых калатных комициях (куриатных или центуриатных), компетенция которых (аррогация, утверждение завещаний и жреческая инавгурация⁴) относится к области сакрального

¹ *Mommsen Th. Römisches Staatsrecht. Bd 2. Aufl. 3. Lpz. 1887. S. 18–73.* В том же духе признавали магистратские полномочия (но не магистратский статус) верховного понтифика Л. Ланге и Г. Виссова: *Lange L. Römische Altertümer. Bd 1. Aufl. 3. B., 1876. S. 345–346; Wissowa G. Religion und Kultus der Römer. Aufl. 3. München, 1912. S. 511–512.* См. также *Бердников И. Государственное положение религии в римско-византийской империи. Т. 1. Казань, 1881. С. 277, 309–311; Немушин И.В. Очерк римских государственных древностей. Ч. 2. Харьков, 1902. С. 697–698; Riewald P. Sacerdotes // RE. Reihe 2. Bd 1. Stuttgart, 1920. Sp. 1640.*

² *Rosenberg A. Imperium // RE. Bd 9. Stuttgart, 1916. Sp. 1207–1208; Bleicken J. Oberpontifex und Pontifikalkollegium // Hermes. 1957. Bd 85. Ht 3. S. 345–361; Catalano P. Contributi allo studio del diritto augurale. Torino, 1960. P. 195, 361–366; Latte K. Römische Religionsgeschichte. München, 1960. S. 400–401; Kunkel W. Untersuchungen zur Entwicklung des römischen Kriminalverfahrens in vorsullanischer Zeit. München, 1962. S. 22–23; Szemler G.J. Pontifex // RE. Supplbd. XV. München, 1978. Sp. 344–345, 360–362.*

³ См. *Mommsen. Op. cit. Bd 2. S. 20–21.*

⁴ Общая формулировка: *Gell. XV. 27. 1; 3.* Частные случаи: *Cic. Dom. 39 (ср. 34–40); 77; Prov. cons. 45; Ad Att. II. 7. 2; Tac. Hist. I. 15; Gai. II. 101; Ulp. Fr. XX. 2; Inst. II. 10. 1; Gell. V. 19. 6; App. BC. III. 94; Dio Cass. XXXVII. 51. 1–2; XXXIX. 11. 2; XLV. 5. 3; XLVI. 47. 4–5. Ср.: Varro. LL. VI. 27; Macr. Sat. I. 15. 9–11; Serv. Ad Aen. VIII. 654.* Однако аррогацию П. Каталано исключает из компетенции калатных комиций (*Op. cit. P. 243, 362. Not. 23).*

права. Как правило, ученые признают за верховным понтификом руководство этими комициями, даже А. Магделен и Дж. Шайд, в целом согласившиеся с критикой концепции Т. Моммзена⁵. Если дело обстояло именно так, то появляется серьезный аргумент в пользу возможности осуществления верховным понтификом чисто политических функций, хотя бы в исключительных случаях и в чрезвычайных обстоятельствах.

Однако в источниках нет прямого ответа на вопрос, кто созывал калатные комиции и руководил ими. Единственный относительно хорошо известный нам случай – аррогация Клодия в 59 г. до н.э. – не дает прямого ответа на этот вопрос, поскольку проводивший куриатные комиции Г. Юлий Цезарь одновременно был и консулом, и верховным понтификом. Весьма сложно в такой ситуации определить, в какой же ипостаси он действовал. Тем не менее, обращает на себя внимание, что Цицерон, упоминая в речах эту аррогацию своего врага Клодия, дважды указывает именно консульское достоинство Цезаря, но ни разу – его верховный понтификат⁶. Т. Моммзен исходя из своей концепции кратко замечает, что Цицерон таким образом подчеркивал политическую сторону данного акта. Но зачем ему это было нужно и почему он выбрал эту сторону полномочий Цезаря – ученый не поясняет, без аргументации заявляя, что *lex curiata* «при усыновлении явно не имеет отношения к консулу»⁷. Однако, когда еще в 60 г. до н.э. Клодий попытался перейти в плебеи по упрощенной схеме, никто другой как консул Кв. Метелл указал на необходимость принятия куриатного закона, тем самым сорвав планы Клодия⁸. Конечно, это не более чем косвенное указание на возможную роль консулов, скорее обращает на себя внимание отсутствие сведений о какой-либо активности понтификов в этом вопросе.

Особый интерес представляет речь Цицерона «О своем доме», произнесенная как раз перед коллегией понтификов. Рассматривая указанный случай, он подробно перечислил обычные задачи, исполнение которых является обязанностью коллегии понтификов при аррогации: выяснить побудительные причины усыновления для обеих сторон, принять во внимание род и достоинство каждого, а также последствия этого акта для родовых священ-

⁵ *Mommsen*. Op. cit. Bd 2. S. 37–38; *Marquardt J.* Römische Staatsverwaltung. Bd 3. Lpz, 1878. S. 293; 300–301; *Herzog E.* Geschichte und System der römischen Staatsverfassung. Bd 1. Lpz, 1884. S. 108; *Kübler B.* Calata comitia // RE. Bd 3. Stuttgart, 1897. Sp. 1330; *Boisford G.W.* The Roman assemblies from the origin to the end of the Republic. N.Y., 1909. P. 104, 153–156, 161, 285; *Wissowa.* Religion... S. 511–512; *Rosenberg.* Imperium... Sp. 1207; *Jocelyn H.D.* The Roman Nobility and the Religion of the Republican State // The Journal of the Religious History. 1966. Vol. 4. № 2. P. 92; *Szemler.* Pontifex... Sp. 361 (но ср. 344–345); *Magdelain A.* La loi à Rome. Histoire d'un concept. P., 1978. P. 82–85 (non vidi); *Scheid J.* Le prêtre et le magistrat // Des ordres à Rome. P., 1984. P. 268 (esp. not. 72); *Mitchell R.E.* Patricians and Plebeians. The Origin of the Roman State. Ithaca–London, 1990. P. 6, 177; *Бердников.* Ук. соч. Т. 1. С. 309–310; *Нетушил.* Ук. соч. Ч. 2. С. 685, 698; *Кофанов Л.Л.* Понятие родное и характер Куриатных комиций в древнейшем Риме // ВДИ. 2002. № 1. С. 99–102, 104; *он же.* Lex и Ius: возникновение и развитие римского права в VIII–III вв. до н.э. М., 2006. С. 152, 159. Против: *Rubino J.* Untersuchungen über römische Verfassung und Geschichte. Cassel, 1839. S. 253; *Blicken.* Oberpontifex... S. 351–358; *Latte.* Op. cit. S. 400.

⁶ *Cic.* Pro Sest. 16; *Har. Resp.* 45.

⁷ *Mommsen.* Op. cit. Bd 2. S. 38. Anm. 2.

⁸ *Dio Cass.* XXXVII. 51. 2, ср. *Cic.* Ad Att. II. 1. 4; *Har. Resp.* 45. Консул Кв. Метелл входил в коллегию авгуров (*Cic.* Vat. 19; *Dio Cass.* XXXVII. 27. 3).

нодействий⁹ (ведь усыновляемый отказывался от обрядов своего рода¹⁰). Кроме того, видимо, те же понтифики обсуждали возраст усыновителя (ср. *Cic. Dom.* 35), а именно: не может ли он еще сам породить детей, и имущественное положение усыновляемого во избежание злоупотреблений и коварных замыслов¹¹. Во время аррогации приносилась клятва, сформулированная верховным понтификом начала I в. до н.э. Кв. Муцием Сцеволой (*Gell. V.* 19. 6): несомненно, у Авла Геллия речь идет лишь о последней редакции клятвы, а не ее первом применении, ибо процедура такого рода у римлян немислима без клятвы богам, широко применявшейся в различных областях частной и общественной жизни.

Но все названные действия, как верно заметил Й. Бляйкен, являлись предварительным расследованием (*quaesitio*)¹², осуществляемым до вынесения вопроса на калатные комиции, что называлось *rogatio*. Сохранился образец этой rogatio, составленный по той же форме, что и другие предложения и законопроекты, выносимые на утверждение народного собрания: *Velitis iubeatis* (далее следует запрос об усыновлении. – *A.C.*). *Haec ita uti dixi, ita vos Quirites rogo* (*Gell. V.* 19. 9). Собственно говоря, очевидна связь термина *agrogatio* и *rogatio*, что отметил Авл Геллий (*V.* 19. 8, ср. *Gai. I.* 99).

Не дает однозначного ответа и ситуация с куриатным законом об усыновлении, который в 43 г. до н.э. по поводу самого себя внес Октавиан¹³: на тот момент он, как и Цезарь при аррогации Клодия, был одновременно консулом и понтификом¹⁴, хотя и не верховным. Но интересна предыстория этого акта. Осуществить его сразу после смерти Цезаря Октавиану помешал Антоний: «предлагаемый куриатный закон, благодаря которому должно было состояться усыновление того (Октавиана. – *A.C.*) в семью Цезаря, он (Антоний. – *A.C.*) лишь для вида старался внести, а на самом деле откладывал с помощью некоторых плебейских трибунов» (*Dio Cass. XLV.* 5. 3–4). Консул Антоний не состоял в коллегии понтификов, так что действовал он именно как консул. Конечно, речь идет о событиях на исходе Республики, к тому же в изложении позднего греческого автора, да и его слова о действиях Антония можно понимать по-разному. Тем не менее, сообщение Диона Кассия не противоречит выводу о проведении калатных комиций именно магистратом, а не понтификом.

Трижды в источниках упоминается в общем виде некое участие понтификов в калатных комициях: *comitia arbitris pontificibus praebentur, quae 'curiata' appellantur* (*Gell. V.* 19. 6); *calata comitia... pro conlegio pontificum habentur* (*Labeo ap. Gell. XV.* 27. 1); *lege curiata apud pontifices... adoptarem* (*Tac. Hist. I.* 15). Легко заметить, что понтифики лишь присутствуют на комициях, о чем ясно свидетельствуют предлоги *pro* и *apud* – «в присутствии (понтифи-

⁹ *Cic. Dom.* 34 (ср. 36); *quae deinde causa cuique sit adoptionis, quae ratio generum ac dignitatis, quae sacrorum, quaeri a pontificum collegio solet.*

¹⁰ *Cic. Dom.* 34; 35; *Gell. XV.* 27. 3. Ср. *Cic. Or.* 144; *Nar. Resp.* 57. Этому вопросу посвятил специальное сочинение «*De sacris detestandis*» известный юрист и друг Цицерона Сервий Сульпиций Руф (*Gell. VII.* 12. 1).

¹¹ *Gell. V.* 19. 6, ср. *Cic. Dom.* 34; 35; 36. Авл Геллий подчеркивает необходимость расследования как характерную черту аррогации: *adrogationes non temere nec inexplorate committuntur* (*Gell. V.* 19. 5).

¹² *Bleicken. Oberpontifex... S.* 354–355. Ср. *Marquardt. Op. cit.* Bd 3. S. 293 (*causae cognitio*).

¹³ *App. BC.* III. 94, ср. *Dio Cass. XLVI.* 47. 4–5.

¹⁴ О консулате: *App. BC.* III. 94; *Dio Cass. XLVI.* 45. 3; 46. 1–2. О понтификате: *Cic. Phil.* V. 46; 53; *Nic. Dam. Vit. Caes.* 4; *Vell. II.* 59. 3.

ков)»¹⁵. В том же смысле следует понимать независимый аблативный оборот *arbitris pontificibus*, который можно перевести «при посредничестве понтификов» (или «после решения понтификов»). Перевод «под руководством понтификов»¹⁶, на мой взгляд, совершенно неприемлем. Прежде всего, насколько я могу судить, термин *arbiter* и в собственном своем значении («третейский судья»), и в смысле *iudex* никогда не употреблялся в связи с каким-либо народным собранием, тем более для обозначения его руководителя. Рассмотренным выше полномочиям понтификов, осуществляемым перед проведением калатных комиций, соответствует третья (по классификации М. Влассака) значение термина *arbiter*, которое обозначало вспомогательного судью («Hilfsrichter», «Unterrichter»): его задачей являлась не собственно судебная деятельность, а предварительное расследование и другие действия касательно условий и обстоятельств предстоящего судебного процесса¹⁷. Не забудем и о нейтральном варианте «свидетель» («наблюдатель»), т.е. «присутствующий», что позволяет перевести *arbitris pontificibus* «в присутствии понтификов» («при участии понтификов») в полном соответствии с двумя другими цитатами. Однако наиболее важным я считаю то обстоятельство, что во всех этих цитатах речь идет о понтификах, т.е. коллегии, а не о верховном понтифике¹⁸. Коллегиальное руководство¹⁹, в том числе комициями, в Риме никогда и нигде не имело места. Консулы, совместно осуществляя какое-либо мероприятие, руководили по очереди, соответственно передавая друг другу фации и право на ауспиции²⁰. Даже в случае избрания дуумвиров для посвящения храма процедуру дедика-

¹⁵ У Авла Геллия еще раз встречается сочетание предлога *pro* и коллегии понтификов, но в ином контексте: *pontifices pro conlegio decrevisse* (*Gell.* XI. 3. 2). Здесь это сочетание означало либо «решение, принятое в коллегии» (ср. *Liv.* XXXVIII. 36. 4; *Sall. Jug.* XXIX. 6), либо «решение, принятое от имени коллегии» (ср. *Cic. Nat. Resp.* 12; 21). См. также: «Выражение *pro collegio*... может обозначать просто то, что акт происходит от лица или по запросу коллегии» (*Catalano. Op. cit.* P. 368. Not. 52). Но, допуская такую возможность, П. Каталано тем не менее считает, что калатными комициями номинально руководил царь священнодействий, фактически же – верховный понтифик (*ibid.* P. 367–372). Сочетание предлога *apud* и коллегии понтификов встречается также у Цицерона (*Dom.* 51; 117). Подробнее об употреблении предлога *apud* в выше-названном смысле см. *Lewis Ch.T., Short Ch. A Latin Dictionary. Oxf.*, 1958. P. 145–146, s.v. *apud* 2a (ср. 2b, 2d).

¹⁶ *Gellius, Aulus. The Attic nights. Transl. by J.C. Rolfe. Cambridge (Mass.)*, 1968. P. 437 (under the authority of the pontiffs); *Кофанов. Понятие poploe...* С. 104; *он же. Lex et Ius...* С. 159 («под руководством судей-понтификов»). Не видел здесь проблемы и Г.У. Ботсфорд, без каких-либо пояснений и аргументации утверждавший: «Выражения *arbitris pontificibus* и *apud pontifices* доказывают руководство со стороны понтификов» (*Op. cit.* P. 161. Not. 1).

¹⁷ *Wlassak M. Arbiter (№ 3) // RE. Halbbd 3. Stuttgart*, 1895. Sp. 410–411.

¹⁸ Странно, но на это обстоятельство в историографии, насколько я могу судить, не обращено должного внимания. Яркий пример – работы Л.Л. Кофанова: в его переводе цитаты из Авла Геллия (*V.* 19. 6) совершенно верно упоминаются «понтифики» (во множ. числе), но в комментарии к этой цитате уже говорится о председательстве одного понтифика (*Кофанов. Понятие poploe...* С. 104; *он же. Lex et Ius...* С. 159).

¹⁹ Тезис о руководстве калатными комициями со стороны коллегии понтификов выдвинул А. Магделен (*Op. cit.* P. 82–85) и поддержал Дж. Шайд (*Le prêtre...* P. 268. Not. 72). Впрочем, о руководящей роли понтификов, а не верховного понтифика, говорил еще Б. Кюблер, не акцентируя внимания на этом (*Calata comitia...* Sp. 1330).

²⁰ Источники и комментарии см. *Kübler B. Consul // RE. Halbbd 7. Stuttgart*, 1900. Sp. 1118.

ции исполнял один из них, но не оба. В этом состояла специфика римской коллегияльности²¹.

Итак, понтифики издавали декрет о допустимости усыновления (Cic. Dom. 38), но нигде ни слова не говорится об их полномочиях собирать калатные комиции, руководить ими и вносить предложения об усыновлении. Все это мог совершать лишь магистрат с империем и правом на высшие ауспиции²², ибо калатные комиции собирались либо по куриям, либо по центуриям (Gell. XV. 27. 2), а такие комиции происходили исключительно *auspicato*²³. О наличии у верховного понтифика права на высшие ауспиции, необходимые для проведения такого рода комиций, все же никаких свидетельств нет²⁴.

Таким образом, известные нам сведения о калатных комициях, на мой взгляд, ничего не говорят о возможных политических полномочиях верховного понтифика. Впрочем, нет твердой уверенности, что граждане на калатных комициях действительно принимали решение или утверждали тот или иной акт, а не выступали в роли свидетелей при этом акте²⁵. Во всяком случае, при жреческой инаугурации трудно представить их в иной роли кроме как свидетельской²⁶. То же самое можно предположить относительно оглашения завещания²⁷ и даже аррогации. Ведь в последнем случае решающую роль играл декрет понтификов, дающий согласие на усыновление. Конечно, усыновление утверждалось куриатным законом, но не ясно, было ли когда-либо голосование реальным или же всегда являлось формальностью.

Еще одно интересное свидетельство имеется в извлечениях Павла Диакона из труда Феста, где сообщается, что «общественный жрец» (*sacerdos publicus*) мог с помощью глашатая созвать сходку (*contio*), подобно магистрату (Fest. P. 34L, s.v. *contio*). На сходках до народа доводилась необходимая информация²⁸, а вопросы лишь обсуждались, но не решались, в отличие от комиций (Gell. XIII. 16). «Общественный жрец» Феста, скорее всего верховный понтифик²⁹, но возможно – царь священнодействий, который в ноны объявлял собравшемуся народу дни предстоящих религиозных праздников текущего месяца³⁰. Таким же образом понтифик (младший понтифик), созвав народ на Капитолий, в календы объявлял дни нон³¹. Эти чисто сакральные функции информационного характера, на мой взгляд, никак не связаны с политическими полномочиями и, соответственно, не имеют отношения к рассматриваемой проблеме.

Как ни странно, в дискуссиях о полномочиях верховного понтифика мало внимания уделено избранию плебейских трибунов в 449 г. до н.э. (после отреше-

²¹ Анализ римского понимания магистратской коллегияльности см. Деметьева В.В. Децемвират в римской государственно-правовой системе середины V в. до н.э. М., 2003. С. 129–142.

²² Bleicken. Oberpontifex... S. 355–358.

²³ Liv. V. 52. 15–16; VI. 41. 6; 10; Dionys. IX. 41. 3.

²⁴ Ср. Gell. XIII. 15. 4, где перечислены ординарные магистраты, имевшие высшие ауспиции.

²⁵ Kübler. Calata comitia... Sp. 1333; Scheid. Le prêtre... P. 268.

²⁶ Ср. анализ традиции об инаугурации Нумы (Liv. I. 18. 6–10; Plut. Numa. 7): Mommsen. Op. cit. Bd 2. S. 9–10; Bleicken. Oberpontifex... S. 356; Сморгков А.М. Regnum et sacrum: о характере царской власти в Древнем Риме // Древнее право. 2002. № 2 (10). С. 51.

²⁷ Pro et contra см. Boisford. Op. cit. P. 157–159.

²⁸ См., например: Liv. XXXIX. 15–16; 17. 1–4.

²⁹ Mommsen. Op. cit. Bd 3. S. 192. Anm. 5.

³⁰ Varro. LL. VI. 13; 28; Serv. Ad Aen. VIII. 654; Macr. Sat. I. 15. 12.

³¹ Varro. LL. VI. 27; Macr. Sat. I. 15. 10; 12; Fast. Praen. Ad 1. Ian.

ния от власти децемвиров)³²: согласно сообщению Ливия, в этом году по постановлению сената избрание трибунов осуществил именно верховный понтифик³³. Даже Т. Моммзен, концепции которого данный эпизод прекрасно соответствует, ограничился краткими замечаниями³⁴, явно из-за сомнений в достоверности событий. Решение сената, действительно, совершенно уникально – и наделение электоральными полномочиями через сенатусконсулт, и предоставление их верховному понтифику, т.е. не магистрату, а частному лицу, и принятие патрицианским сенатом постановления касательно плебейского собрания. Некоторой аналогией, на мой взгляд, может служить интеррегнум, который действовал в случае перерыва в преемственности высшей магистратской власти, т.е. отсутствия лиц, имеющих право осуществлять консульские выборы: ведь первого интеррекса каким-то образом выбирал патрицианский сенат (процедура нам неизвестна). Электоральные комиции проводил один из его преемников, чьи полномочия, таким образом, в конечном итоге также происходят от сената. Интеррекс избрал консулов и после децемвиров (Liv. III. 55. 1). Подобной процедуры для плебейских трибунов не предусматривалось – непрерывность трибуновской власти обеспечивали иные меры³⁵.

Троекратное упоминание не оставляет сомнений в том, что Ливий считал именно верховного понтифика руководителем избрания плебейских трибунов в 449 г. до н.э.: ut ... Q. Furius pontifex maximus tribunus plebes crearet (Liv. III. 54. 5); praesto erit pontifex maximus, qui comitia habeat (ibid. 9); pontifice maximo comitia habente (ibid. 11). Цицерон в данном случае употребил выражение <per> pontificem (ap. Asc. Pro Cornel. P. 69), т.е. «(избрали) с помощью понтифика», что допускает различные толкования – и в пользу признания руководящей, и в пользу признания вспомогательной роли понтифика. Столь же неточна фраза «pontifex... tribunus... crearet» – избирал все-таки народ (в данном случае плебс), а не руководитель собрания, даже если считать таковым верховного понтифика. А вот сочетание «comitia habere» действительно обозначало руководство собраниями граждан, в том числе электоральными, со стороны интеррекса, диктатора, консула или плебейского трибуна³⁶, что позволяет рассматривать его как terminus technicus. И точно так же Ливий определил роль понтифика на трибутовых квази-комициях при избрании верховного понтифика в 212 г. до н.э.: Comitia inde pontifici maximo creando sunt habita. Ea comitia novus pontifex M. Cornelius Cethegus

³² Названным событиям посвящено специальное исследование Кристианы Ринольфи (*Rinolfi C.M. A. Plebs, pontefice massimo, tribuni della plebe: a proposito di Liv. 3. 54. 5–14 // Diritto e storia. 2006. № 5*). Перевод этой статьи на русский язык планируется к публикации в журнале «Древнее право» (№ 20), с итальянским вариантом можно ознакомиться в Интернете по адресу: <http://www.dirittoestoria.it/5/Memorie/Rinolfi-Plebs-pontefice-massimo-tribuni-della-plebe.htm>. Хочу отметить, что доклад К. Ринольфи на IV Международной конференции «Римское частное и публичное право» (июнь 2006 г.) послужил толчком для моего собственного исследования, представленного данной статьей. Следует подчеркнуть, что К. Ринольфи согласна с теми учеными, которые считают верховного понтифика руководителем калатных комиций (Op. cit. P. 32–34; использованную ею историографию см. ibid. P. 33. Not. 133). В своей работе она признает достоверность традиции об избрании плебейских трибунов под руководством верховного понтифика в 449 г. до н.э. (ibid. P. 8, 12–14, 17–18, 37–38).

³³ Liv. III. 54. 5–14, ср. Cic. ap. Asc. Pro Cornel. P. 69 (ed. A. Kiessling et R. Schoell).

³⁴ Mommsen. Op. cit. Bd 2. S. 36. Anm 2; S. 272. Anm. 1; S. 278. Anm. 2.

³⁵ Mommsen. Op. cit. Bd 1. S. 220, 473; Bd 2. S. 279–280; Bleicken. Oberpontifex... S. 357. Anm. 1.

³⁶ Liv. I. 32. 1; II. 8. 3; III. 20. 8; 35. 8; IV. 44. 2; 51. 1; 55. 8; VI. 1. 5; 5. 7; 36. 3; VII. 9. 4; 17. 10; 24. 10; 26. 12 etc.

habuit³⁷. Такого рода комиции состояли из 17 триб (вместо 35), избранных по жребию, и, соответственно, не считались полноценным представительством римского гражданства³⁸: «Поскольку в силу религиозных требований народ не мог предоставлять жреческие должности, то Домиций (см. ниже. – А.С.)... предложил, чтобы к голосованию призывалась меньшая часть народа, а кто будет избран этой частью, того коллегия (жреческая. – А.С.) и кооптирует» (Cic. Leg. agr. II. 18–19). Время появления этих комиций неизвестно: предполагается, что столь серьезная реформа, передавшая избрание верховного понтифика от понтификальной коллегии народу, не могла быть пропущена Ливием, следовательно, рассказ о ней приходится на утерянные книги второй декады, т.е. на 292–219 гг. до н.э.³⁹ Понятно, что комиции в 212 г. до н.э. провел не верховный понтифик (его как раз выбирали), а один из членов коллегии, причем тот, который сам только что стал понтификом (Liv. XXV. 2. 2). Таким образом, речь может идти о самостоятельном выполнении жрецом такой функции, которая свойственна магистратской власти, – созыв и руководство собранием граждан с целью принятия определенного решения. Т. Моммзен увидел здесь сходство деятельности понтифика и магистрата, соответственно, подтверждение своей теории о наличии у верховного понтифика магистратских полномочий: «Ведь и эти собрания, хотя в правовом смысле они не могли и не должны были приравниваться к народному избранию, обязательно происходили *auspicato* и немислимы без власти, аналогичной империи»⁴⁰. Более того, опираясь на этот эпизод, он утверждал, что избрание верховного понтифика на собрании под руководством одного из понтификов представляло собой процедуру, подобную интеррегнуму, целью которого являлось обеспечить непрерывность права на ауспиции⁴¹. Однако такого рода свидетельство в традиции единично, что делает рискованными любые обобщения без основательной дополнительной аргументации. Сообщается также, что в 209 г. до н.э. народ (*populus*) на комициях избрал верховного куриона (Liv. XXVII. 8. 1–3), но процедурные вопросы Ливий не раскрыл.

В 103 г. до н.э. закон Домиция предписал по образцу выборов верховного понтифика избирать всех членов четырех важнейших жреческих коллегий (понтификов, авгуров, квиндецимвиров, возможно, эпулонов)⁴². Данные о руководстве их избранием отсутствуют, лишь одно косвенное свидетельство довольно ясно говорит в пользу консульского руководства⁴³. Этот вывод подтверждают и об-

³⁷ Liv. XXV. 5. 2, ср. XXXIX. 46. 2; Per. 67; Dio Cass. XLIV. 53. 7.

³⁸ Mommsen. Op. cit. Bd 1. S. 192. Anm. 5; Bd 2. S. 28; Bleicken. Oberpontifex... S. 357; Latte. Op. cit. S. 400.

³⁹ Mommsen. Op. cit. Bd 2. S. 27; Botsford. Op. cit. P. 341; Ungern-Sterberg J. The End of the Conflict of the Orders // Social Struggles in Archaic Rome. Berkeley, 1986. P. 371 (2nd ed. – 2005. P. 321).

⁴⁰ Mommsen. Op. cit. Bd 2. S. 28.

⁴¹ Ibid. S. 23.

⁴² Cic. Leg. agr. II. 18–19; Ad Brut. I. 5. 3; Phil. II. 4; Cic. ap. Asc. Pro Corn. P. 71; Vell. II. 12. 3; Suet. Nero. II. 1; Dio Cass. XXXVII. 37. 1. Подробнее см. Mommsen. Op. cit. Bd 2. S. 29–32; Wissowa. Religion... S. 487–488. О датировке закона см. Münzer F. Domitius Ahenobarbus (№ 21) // RE. Bd 5. Stuttgart, 1905. Sp. 1325.

⁴³ Cic. Brut. I. 5. 4. См. комментарий Т. Моммзена (Op. cit. Bd 2. S. 32. Anm. 1). Кроме того, Дион Кассий (XLI. 36. 1–3) упоминает о назначении Цезарем жрецов после рассказа об избрании его диктатором (49 г. до н.э.), т.е. тот явно действовал как магистрат, а не в качестве верховного понтифика, тем более власть последнего тогда еще не распространилась на все жречество. Отмечу также, что по уставу колонии Генетива Юлия (ср. 68) выборы понтификов и авгуров должен был проводить магистрат (дуумвир или префект).

щие соображения. Ведь теоретически возможны три варианта – избранием руководил либо понтифик (верховный понтифик), либо глава каждой коллегии, либо магистрат (консул). Первый вариант крайне маловероятен, поскольку каждая коллегия имела свою область компетенции, практически не пересекавшуюся с остальными, и была в ней независима от других жрецов, в том числе от верховного понтифика. Иерархически соподчиненной системы в жреческой организации республиканского Рима не было. Второй вариант невозможен по той причине, что ни для одной коллегии, кроме понтификальной, не известен глава со столь серьезными полномочиями как у верховного понтифика. Не исключено, что у авгуров имелся *augur maximus*, – вероятнее всего, старейший член коллегии⁴⁴, т.е. это был скорее почетный титул, чем должность. К тому же, каждый такой гипотетический глава должен был бы руководить своим собранием в отдельный день, но, по всей видимости, *comitia sacerdotum* происходили в один день⁴⁵, соответственно, под единым руководством того, под чьими ауспигиями они были созваны. Остается третий вариант – комиции под руководством консула, для чего у него были все необходимые права и полномочия. Это признает и Т. Моммзен⁴⁶. Конечно, могла иметь место (например, по закону Домиция) передача руководства от жреца магистрату⁴⁷. Но полное отсутствие сведений позволяет столь же гипотетически предположить, что этими квази-комициями с самого их появления, – т.е. уже для избрания верховного понтифика, – руководил консул. В таком случае единственное сообщение, где указанной процедурой руководил понтифик (*Liv. XXV. 5. 2*), придется объяснять нетехническим использованием термина, что для Ливия не такая уж редкость. В частности, что касается рассматриваемой проблемы, он неоднократно упоминает избрание (*creatio*) жрецов еще до закона Домиция, который ввел эту процедуру⁴⁸. Наиболее отчетливо небрежность Ливия в употреблении рассматриваемых терминов отразилась в его рассказе о замещении вакантного места в коллегии авгуров в 184 г. до н.э., где без всяких оговорок и комментариев употреблено выражение *comitia auguris creandi habita* (*Liv. XXXIX. 45. 8*) – и это за 80 лет до закона Домиция. При этом Ливий прекрасно осознавал разницу между процедурами *cooptatio* и *creatio*, четко отразив ее там, где обе они имели место одновременно⁴⁹.

Таким образом, ввиду свойственной Ливию терминологической небрежности нет твердой уверенности в достоверности его сведений о ранних случаях избрания верховного понтифика и верховного куриона. Единственное косвенное подтверждение – слова Цицерона, что Гн. Домиций внес закон о прочих (*ceteris*) жречествах по образцу (*hoc idem*) комиций по избранию верховного понтифика (*Cic. Leg. agr. II. 18*), т.е. эти комиции были созданы когда-то (точно не определено) ранее. Однако в историографии не высказывалось сомнений по поводу содержания закона, возможно, единственное исключение – Р.Е. Митчелл, который именно к закону Домиция отнес введение избрания верховного понтифика⁵⁰. Исследователь справедливо указал на противоречия в традиции, где, с

⁴⁴ *Wissowa G. Augures* // RE. Bd. 1. Stuttgart, 1894. Sp. 2322.

⁴⁵ Анализ и источники см. *Mommsen. Op. cit.* Bd 1. S. 582. Anm. 1; Bd 2. S. 31–32; *Wissowa. Religion...* S. 488. Anm. 6; *Ross Taylor L. The Election of the pontifex maximus in the Late Republic* // CPh. 1942. Vol. XXXVII. № 4. P. 422. Not. 7.

⁴⁶ *Mommsen. Op. cit.* Bd 2. S. 31–32.

⁴⁷ Таково предположение П. Каталано (*Op. cit.* P. 362. Not. 25).

⁴⁸ *Liv. II. 2. 1*; *X. 9. 2*; *XXIII. 21. 7*; *XXV. 2. 2*; *XXVII. 8. 4*; *XXIX. 38. 6–7*; *XXXIX. 45. 8*.

⁴⁹ *Liv. XXXIX. 46. 1–2*, *cp. XL. 42. 11–13*.

⁵⁰ *Mitchell. Op. cit.* P. 103–104, 120. Not. 187.

одной стороны, утверждается, что Гн. Домиций провел свой закон, чтобы стать понтификом, ибо коллегия отказалась кооптировать его (Suet. Nero. II. 1), а с другой – что примерно в это время он был избран на комициях верховным понтификом (Liv. Per. 67), т. е. уже входил в коллегия.

О возможности нетехнического использования, казалось бы, ясного и недвусмысленного выражения *comitia habere* свидетельствует его применение в комедии Плавта «Псевдол», поставленной в 191 г. до н.э. Здесь в одной сцене сводник Баллион жалуется, что раб Псевдол сумел обманом заставить его выплатить деньги, – Баллион проиграл спор, – и говорит при этом: *Pseudolus mihi centuriata habuit caritis comitia* (Plaut. Pseud. 1232). Понятно, что сочетание «раб» и «комиции» следует отнести к комическим приемам, но ведь и «консул» или «претор», у кого было право на проведение центуриатных комиций, никакого отношения к сюжету не имели. Что же, в таком случае, должно обозначать выражение *comitia habuit*? Очень точно, на мой взгляд, смысл фразы передан в переводе А. Артюшкова: «Казни мне Псевдол добился у (центуриатных, – А.С.) комиций»⁵¹. То есть речь здесь идет о действиях частных лиц (в юмористической интерпретации) на комициях, которыми, само собой, руководил бы магистрат с империем.

Таким образом, в сообщении Ливия об избрании авгура на комициях в 184 г. до н.э. справедливо видеть ошибку, неосознанно допущенную под влиянием практики его времени. Никаких сомнений и других гипотез в историографии не возникло. Но не могло ли нечто подобное случиться и со столь же уникальным рассказом Ливия об участии верховного понтифика в избрании плебейских трибунов после свержения децемвиров? А именно – нельзя ли и здесь предположить у Ливия ошибку, но ошибку, допущенную вследствие неверной интерпретации и непонимания вполне достоверной информации, содержащейся в его источниках? Мне кажется это вполне возможным.

Конечно, проще всего признать сообщение о выполнении верховным понтификом политических функций в 449 г. до н.э. выдумкой анналистов⁵², но это не снимает необходимости его объяснить: в конце концов, даже будучи ошибочной, подобная информация не могла быть чистым вымыслом и должна была основываться на каких-то представлениях самих анналистов о государственно-правовой возможности такой ситуации. Также малопродуктивна ссылка на особые обстоятельства, потребовавшие чрезвычайных мер⁵³. Но столь же безосновательно обобщать этот случай и считать, что плебейские трибуны всегда избирались под руководством верховного понтифика, пока их выборы проходили в куриатных комициях⁵⁴: все-таки нет сведений о том, кто руководил такими выборами, а уже в 471 г. до н.э. избрание плебейских трибунов было перенесено в трибутные комиции⁵⁵. Поэтому требуется такая интерпретация сведений Ливия,

⁵¹ Плавт. Комедии. Т. 2. М., 1987. С. 504.

⁵² Bleicken. Oberpontifex...S. 357. Обращает на себя внимание, что Ливий и Асконий приводят разные имена верховного понтифика (Q. Furius и M. Papirius соответственно), причем и то, и другое лицо, возможно, были консулами в 441 г. до н.э. Анализ см. Szemler G.J. The Priests of the Roman Republic. Bruxelles, 1972. P. 56–57; *idem*. Pontifex... Sp. 370.

⁵³ Herzog. Op. cit. Bd 1. Lpz, 1884. S. 187–188; Szemler. Pontifex... Sp. 370, 55–59.

⁵⁴ Mitchell. Op. cit. P. 213.

⁵⁵ Liv. II. 56. 2–58. 1; Dionys. IX. 41–49; Zon. VII. 17.

которая не противоречила бы общему месту и роли верховного понтифика в политической системе римской Республики⁵⁶.

Перерыв в передаче трибунской власти во время правления децемвиров оказался лидерам плебса весьма опасным, тем более ввиду относительной молодости этой должности (менее полувека), соответственно, непрочности ее существования. В первые полтора века существования Республики шел поиск оптимальных методов управления, сопровождавшийся появлением и исчезновением органов власти, борьбой между ними и поиском компромиссов. Трибунская власть еще не стала частью политической традиции, и сохранение ее в условиях ненависти и вражды со стороны патрициев оставалось весьма актуальной задачей. Поэтому сразу после свержения децемвиров по предложению плебейского трибуна Марка Дуилия был утвержден плебисцит, предусматривавший смертную казнь через отсечение головы тому, по чьей вине плебс останется без трибунов⁵⁷. В следующем году был принят Требониев плебисцит, уточнявший и облегчавший процедуру избрания плебейских трибунов – несомненно, в целях сохранения этой должности⁵⁸. Возможно, к Требонию плебисциту относится сообщение Диодора об ужесточении наказания в случае неизбрания новых трибунов (сожжение заживо)⁵⁹. В реальности событий можно сомневаться⁶⁰, но здесь интерес представляет скорее не ход, время и действующие лица, а государственно-правовой взгляд римских историков на указанные законы и контекст их появления.

И все же, несмотря на принятые меры предосторожности, однажды случился перерыв в передаче трибунской власти: в конце 293 г. до н.э. «новые плебейские трибуны вступили в должность, но им самим, поскольку избраны они были огрешно, через пять дней наследовали другие» (Liv. X. 47. 1). Краткое сообщение Ливия об этом уникальном случае создает две проблемы. Прежде всего, вызывает удивление признание трибунских выборов огрешными⁶¹, ведь трибунов избирали без проведения импетративных ауспий⁶². Решение этого вопроса имеет прямое отношение к определению круга лиц, которые теоретически могли бы руководить избранием плебейских трибунов. Согласно одной гипотезе, указанный факт отражает процесс превращения плебейской должности в общеримскую магистратуру с предоставлением права на ауспии⁶³. Но тогда остает-

⁵⁶ Различные точки зрения на роль и место верховного понтифика в событиях 449 г. до н.э. и соответствующая историография прекрасно представлены в работе К. Ринольфи (Op. cit. P. 10. Not. 29).

⁵⁷ Liv. III. 55. 14–15, cp. 64. 9; Cic. Leg. III. 9.

⁵⁸ Liv. III. 65. 3–4 (cp. 64); IV. 16. 4; V. 10. 10–11; 11. 1–3; 12. 2.

⁵⁹ Diod. XII. 25. 3. Cp. Val. Max. VI. 3. 2; Dio Cass. Fr. 22. 1; Zon. VII. 17. К Требонию, а не Дуилию, плебисциту отнес сообщение Диодора Б.Г. Нибура (Römische Geschichte. B., 1853. S. 567), что поддержали другие исследователи: Lange. Op. cit. S. 823; Mommsen. Op. cit. Bd 1. S. 219. Anm. 3; Münzer F. Trebonius // RE. Reihe 2. Halbbd 12. Stuttgart, 1937. Sp. 2282, № 9.

⁶⁰ Münzer F. M. Duilius // RE. Bd 5. Stuttgart, 1905. Sp. 1781–1782; idem. L. Trebonius... Sp. 2282, № 9.

⁶¹ Столь же уникально сообщение об огрешном избрании плебейских эдилов 202 г. до н.э., причем они также успели приступить к исполнению своих полномочий (Liv. XXX. 39. 8, cp. Сато ар. Gell. 18. 1). И эта информация Ливия противоречива и создает при анализе серьезные проблемы: Broughton T.R.S., Patterson M.L. The Magistrates of the Roman Republic. Vol. I. N.Y., 1951. P. 318. Not. 1.

⁶² Liv. VI. 41. 5 (cp. VII. 6. 11); Dionys. IX. 41. 3; 49. 5 (cp. X. 4. 2–3). Но: Zon. VII. 19.

⁶³ Lange. Op. cit. S. 829–830.

ся неясным, почему за последующую почти трехвековую историю Республики больше такого не случилось, хотя трибуны избирались ежегодно. Поэтому данное объяснение мне представляется менее вероятным, чем иное, где рассматривается сакральная сторона проблемы. А именно, поскольку процедура избрания плебейских трибунов не предусматривала вопрошения воли богов, т.е. импетративных ауспий, то огрешность не могла заключаться в самой процедуре. Сомнительно также, чтобы знамения касались непосредственно личности избранных трибунов – это нехарактерно для римского понимания взаимоотношений коллектива и его богов⁶⁴. Остается только назначение дня электорального собрания плебеев, оказавшееся противным воле богов. Во времена Цицерона авгуры могли своим решением отменить плебейское собрание (*concilia*) в данный день (*Cic. Leg. II. 31*). Проведению плебейского собрания могли помешать облативные ауспии, по крайней мере, такой знак, как молния и гром, считался самым неблагоприятным знамением для комиций⁶⁵, вполне возможно, и для чисто плебейских собраний по трибам (*concilia plebis*) ранней эпохи. После 154 г. до н.э. (*leges Aelia et Fufia*) плебисциты подчинялись облативным ауспиям⁶⁶. Но такая практика явно существовала изначально без какого-либо законодательного регулирования: живое религиозное чувство заставляло с вниманием относиться к проявлениям божественной воли, тем более во время важных общественных актов, независимо от законов и постановлений. Стремление привнести юридическую четкость в сакральную сферу в Риме проявилось достаточно поздно, примерно с конца IV в. до н.э. (закон, регулирующий посвящение храмов). В этой сфере, что естественно, господствовали обычай и традиция.

В пользу высказанного предположения говорят два пассажа из речи Цицерона против Ватиния (несомненно, здесь явно заметен риторический пафос, но все же его заявления не могут быть чистым вымыслом). Критикуя деятельность своего оппонента в бытность того плебейским трибуном, Цицерон вспоминает: «Разве знаешь ты какого-нибудь плебейского трибуна после основания города, который вносил бы предложения на утверждение плебса в тот момент, когда несомненно наблюдали за небом» (*Cic. In Vat. 17*). Речь идет о так называемой обнуциации, регулировавшейся после 154 г. до н.э. упомянутыми законами Элия и Фуфия, но, как хорошо заметно, Цицерон говорит о всей истории плебейского трибуната. Чуть далее он опять-таки издали (*ab Romulo*) ведет упомянутый обычай, запрещавший проводить народные собрания, если мелькнула молния (*ibid. 20*). Цицерон говорит о собраниях народа (*populus*), но обращается при этом к плебейскому трибуну, тем самым распространя указанный авгурский запрет и на собрания плебса, причем изначально (от Ромула). Плебейские

⁶⁴ Избрание М. Клавдия Марцелла консулом-суффектом в 215 г. до н.э. авгуры признали огрешным, а по мнению сенаторов-патрициев, богам было неуютно то, что впервые оба консула оказались плебеями (*Liv. XXIII. 31. 13*). Но эта огрешность не касалась самой личности Марцелла, ставшего консулом в следующем году, и не помешала через сорок лет (в 172 г. до н.э.) все же появиться плебейской паре консулов (*Fast. Cap.*).

⁶⁵ Общая формулировка: *Cic. Div. II. 42–43; 74. Cp. Cic. In Vatin. 20; Phil. V. 7; 8; Liv. XXX. 39. 5; XL. 42. 10; 59. 5; Plut. Cato Minor. 42; Tac. Hist. I. 18; App. BC. I. 30; De vir. ill. LXXIII. 7*. Столь же неблагоприятным знаком считался эпилептический припадок (*morbus comitialis*): *Fest. P. 268L, s.v. prohibere comitia, cp. Dio Cass. XLVI. 33. 1*.

⁶⁶ *Cic. In Vatin. 17; 18; 20; 23; In senatu post red. 11; Prov. cons. 45 (plebiscitum de exilio M. Tullii); Phil. V. 8*.

трибуны во время этих собраний находились в освященном авгурами месте (*templum*), хотя и не известно, когда установился этот обычай⁶⁷.

Таким образом, однажды оказавшееся огрешным избрание трибунов не является свидетельством того, что для проведения трибунских электоральных комиций уполномоченное лицо когда-либо должно было обладать правом на общественные импетративные ауспиции (в отличие от магистратских комиций). Это существенно расширяет круг лиц, которым теоретически могли бы поручить эти выборы, и, соответственно, допускает возможность ливиевой традиции о роли верховного понтифика в 449 г. до н.э., но не только.

Второй вопрос, непосредственно связанный с рассматриваемой проблемой, заключается в следующем: если новоизбранные трибуны сложили только что полученные полномочия, то как были организованы выборы их преемников, причем в чрезвычайно сжатые сроки (менее пяти дней)? Т. Моммзен отказывается сообщению Ливия в достоверности⁶⁸, Л. Ланге предполагает ошибку Ливия, относя события ко времени до вступления в должность этих трибунов, либо – по аналогии с 449 г. до н.э. – выборы под руководством верховного понтифика⁶⁹. Мне представляется, что не будет слишком смелым предположение, что выборы провели сами огрешно избранные трибуны. Во-первых, плебисциты Дуилия и Требония грозили смертной казнью тем, кто оставит плебс без трибунов. На кого бы падала вина в данном случае? Прежние трибуны честно, хотя и неудачно, исполнили свой долг, но исправить ошибку они не могли, ибо уже сложили свои полномочия. Остаются только огрешно избранные трибуны. Это то, что касается политико-правового аспекта проблемы. Сакрально-правовая сторона дела могла заключаться в опасении передать преемникам сакрально ущербную власть, что наглядно заметно при передаче империя: для высшей магистратской власти это опасение было связано с передачей права на импетративные ауспиции. Однако ничего подобного не имелось у плебейских трибунов. Их священная неприкосновенность являлась следствием клятвы плебеев при учреждении этой должности⁷⁰ и, по всей видимости, не передавалась как наследие указанной клятвы, а возобновлялась при каждом новом избрании. Затем, вероятно, она стала просто санкцией закона – все же традиция о таком законе Валерия-Горация 449 г. до н.э. не могла быть случайной⁷¹, даже если она анахронична. Напротив, передача общественных ауспиций у высших магистратов не регламентировалась никакими законами, находясь целиком в сфере сакрального права и подчиняясь традиционным нормам.

⁶⁷ *Liv.* II. 56. 10; III. 17. 1; *Cic. De inv.* II. 52; *Pro Sest.* 62; 75. Сообщения Ливия касательно событий V в. до н.э. вполне могут быть анахроничными, как считал Л. Ланге (*Op. cit.* S. 830. Anm. 2). То же самое можно сказать и по поводу рассказа Цицерона (*de inv.* II. 52) о трибунате Г. Фламиния (232 г. до н.э.). В таком случае названную практику следует ограничить временем Поздней Республики, но это уже иной плебейский трибунал, во многом принципиально отличающийся от раннереспубликанского.

⁶⁸ *Mommsen. Op. cit.* Bd 2. S. 280.

⁶⁹ *Lange. Op. cit.* S. 826.

⁷⁰ *Liv.* II. 33. 3 (иначе: 33. 1); III. 55. 10; IV. 6. 7; *Dionys.* VI. 89. 2–4; 90. 1; VII. 22. 1 (иначе: XI. 55. 3); *Zon.* VII. 15. Ср. *Fest. P.* 422L, s.v. *sacrosanctum*; *Cic. Leg.* III. 9. О различиях между неприкосновенностью магистратов и неприкосновенностью плебейских трибунов см. *Mommsen. Op. cit.* Bd. 2. S. 286–287. См. также *Fritz K.v. Leges sacrae and plebei scita // Studies presented to D.M. Robinson. Vol. II. Saint Louis, 1953. P. 894–895.*

⁷¹ *Liv.* III. 55. 6–12. Дионисий относит принятие закона, наряду со священной клятвой, к учреждению трибуната во время первой сецессии (*Dionys.* VI. 89. 2–4; VII. 22. 1). О законе и клятве см. также *App. BC.* II. 108 (ср. II. 138; IV. 17).

Кроме того, для магистратов действовала формула, утверждавшая действительность законных актов даже огрешно избранных должностных лиц⁷², что отражает характерный для гражданской общины принцип приоритета политических интересов. Это правило четко прослеживается в отношении консулов, но ведь тем более оно приложимо к плебейским должностным лицам, избиравшимся без ауспиций. Огрешно избранные плебейские эдилы 202 г. до н.э. успели осуществить значительную часть своих сакральных обязанностей до сложения полномочий, и лишь для оставшихся игр в честь Цереры был назначен диктатор (Liv. XXX. 39. 8). Показательно, что даже не ставился вопрос о новом проведении сакральных мероприятий, осуществленных огрешно избранными должностными лицами, хотя повторение религиозных актов (*instauratio sacrorum*) являлось характерной чертой римской сакральной практики⁷³. Таким образом, плебейские трибуны, как и патрицианские (курульные) магистраты, действовали с учетом воли богов, но при этом огрешность избрания не влияла на полноценность их власти, создаваемой каждый раз решением плебейского собрания, а не передаваемой преемникам подобно высшей магистратской власти, которая определялась как неразрывное единство империя и ауспиций. Поэтому, на мой взгляд, вполне возможно, что, несмотря на признание огрешности своего избрания, плебейские трибуны сами провели выборы новой коллегии, ибо сакральные соображения им не препятствовали, а политические причины настоятельно требовали такого разрешения уникальной ситуации ради сохранения плебейской должности. Все же избрание плебейских трибунов требовало соблюдения меньшего числа сакрально-правовых формальностей, чем избрание консулов (см. прим. 35).

В связи с этим следует обратить внимание на важное сообщение традиции о том, что еще во время сецессии, приведшей к свержению децемвиров, два плебейских войска самостоятельно избрали себе по десять военных трибунов, которые затем по поручению объединившегося войска избрали из своего числа двух верховных предводителей⁷⁴. А ведь именно из военных трибунов, по мнению Варрона, были избраны первые плебейские трибуны⁷⁵. Почему же в рассматриваемом случае плебеи, самостоятельно избрав военных трибунов, не смогли так же выбрать плебейских трибунов, но анналистическая традиция сочла необходимым участие верховного понтифика в проведении выборов? Цицерон, процитированный Асконием, дает весьма неуклюжее объяснение участия понтифика: «Избрали десять плебейских трибунов с помощью понтифика, поскольку не было ни одного магистрата»⁷⁶. Т. Моммзен справедливо отметил, что наличие или отсутствие патрицианских магистратов никакого значения для избрания плебейских трибунов не имело, – да и в ту эпоху плебейские трибуны никак не мог-

⁷² Varro. LL. VI. 30: ...magistratus vitio creatus nihilo setius magistratus. Cp. Cic. Phil. II. 82–83.

⁷³ Cohee P. *Instauratio sacrorum* // Hermes. 1994. Bd 122. Ht 4. P. 451–468. См. обобщающие наблюдения античных авторов: Cic. Nat. resp. 23; Plut. Cor. 25; Dio Cass. Fr. 51; LX. 6. 4.

⁷⁴ Liv. III. 51. 2–6; 8–10; Dionys. XI. 43. 6; 44. 2; De vir. ill. XXI. 3; Zon. VII. 18.

⁷⁵ Varro. LL. V. 81, ср. Zon. VII. 15. Р.Т. Ридли даже предположил, что слова Варрона, возможно, относятся как раз к сецессии 449 г. до н.э. (Ridley R.T. Notes on the Establishment of the Tribunate of the Plebs // Latomus. 1968. T. XXVII. Fasc. 3. P. 538). Впрочем, вопрос о предшественниках плебейского трибуната в историографии решается неоднозначно: см. Михайловский Ф.А. Основание народного трибуната и lex sacrata // Английская гражданская община. М., 1986. С. 45.

⁷⁶ Asc. Pro Cornel. P. 69: Decem tr. pl. <per> pontificem, quod magistratus nullus erat, creaverunt.

ли рассматриваться в качестве магистратов, – а также то крайне странное обстоятельство, что патриций (верховный понтифик) на чисто плебейском собрании (*concilia plebis*), где патриции не участвовали, руководил выборами плебейских же должностных лиц⁷⁷. Я не вижу никаких формальных препятствий, в том числе сакрального характера, для проведения избрания плебейских трибунов в 449 г. до н.э. одним из руководителей плебейского войска. Это было внутреннее дело плебеев. На мой взгляд, само наличие таких руководителей уже говорит об отсутствии необходимости прибегать к помощи кого-либо другого, тем более патриция и к тому же частного лица. Возможно, косвенным аргументом может служить и то, что ни один из этих двух предводителей (*Sex. M. Manilius*, *M. Oppius*) не был избран плебейским трибуном, зато избранным оказался, возможно, родственник одного из них (*C. Oppius*)⁷⁸. Римская политическая этика не одобряла самоизбрание руководителя электорального собрания, но положительно воспринимала помощь с его стороны своему родственнику.

Но в таком случае необходимо выяснить, в чем же могла состоять роль верховного понтифика при восстановлении трибунской власти в 449 г. до н.э. Учтем, что рассматриваемая ситуация имела относительно недавний (45 лет) прецедент – первое избрание плебейских трибунов в 494 г. до н.э. Избрание трибунов в 494 и 449 годах до н.э. происходило в одних и тех же обстоятельствах (плебейская сессия) и по сути представляло собой аналогичный акт – не избрание предшественниками преемников, а создание (восстановление) должности. О способе избрания первых трибунов ничего не сообщается, но есть интересные сведения, имеющие отношение к понтификальному кругу обязанностей, а именно о посвящении плебеями в честь Юпитера алтаря на Священной горе или даже всей горы⁷⁹. Священные места находились под охраной государства и сохраняли такой характер постоянно до тех пор, пока сенат не принимал иного решения, что случалось крайне редко, в исключительных случаях. Такие сведения обладают значительной степенью достоверности, хотя связь упомянутого посвящения именно с плебейской сессией, конечно, может вызывать сомнения. Во всяком случае, так представляли себе события античные авторы. Ясно, что речь идет об общественном посвящении⁸⁰, а такое посвящение не могло состояться без участия понтифика. Его участие было желательным также при произнесении клятвы, которой плебеи скрепили священную неприкосновенность своих защитников-трибунов⁸¹. Ведь здесь исключительно важное значе-

⁷⁷ *Mommsen*. Op. cit. Bd 2. S. 37. Anm. 1.

⁷⁸ Имена и указания на источники см. *Broughton, Patterson*. Op. cit. P. 48–49.

⁷⁹ *Dionys*, VI. 90. 1; *Cic. ap. Asc. Pro Corn.* 68; *Fest.* P. 423L, 424L, s.v. *Sacer mons*. Дионисий приводит эпитет Юпитера Δεισιότιος («Устрашающий»), что соответствует латинскому *Territor* из надписи на алтаре Юпитера, найденном близ Тибура (*CIL*. XIV. 3559).

⁸⁰ О принципиальной разнице между общественным и частным посвящением см. *Fest.* P. 424L, 14–30.

⁸¹ *Dionys*, VI. 89. 2; 4; *Liv.* III. 55. 7; 10; *App.* BC. II. 108; *Fest.* P. 422L, s.v. *sacrosanctum*; *Zon.* VII. 15. Термин *sacrosanctus* («неприкосновенный»), который отмечает особый статус плебейских трибунов, по всей видимости, составлен из *sacro* (*Abl. instr.*) и *sacrus*, т.е. «религиозным актом (клятвой) освященный» (или – «вследствие религиозного акта неприкосновенный»): *Mommsen*. Op. cit. Bd 1. S. 236. Anm. 2; *Kübler B.* *Sacrosanctum* // *RE*. Reihe 2. Halbbd 2. Stuttgart, 1920. Sp. 1684; *Ernout A., Meillet A.* *Dictionnaire étymologique de la Langue Latine*. P., 1939. P. 883–884; *Oxford Latin Dictionary*. *Oxf.*, 1970. P. 1676, s.v. *sacrosanctus*. Против: *Rosenberg A.* *Studien zur Entstehung der Plebs* // *Hermes*. 1913. Bd 48. Ht 3. S. 360. О священной неприкосновенности как основе власти плебейских трибунов см. подробную историографию в работе К. Ринольфи (Op. cit. P. 14–15. *Esp. not.* 45).

ние имела точность произнесения сакральных формул, а они находились в ведении коллегии понтификов. Понтифик (в наиболее важных случаях – верховный понтифик) во время сакрального акта подсказывал слова, которые за ним повторял тот, кто совершал обряд⁸². Такой акт мог иметь массовый характер. Например, в начале II Пунической войны на народном собрании утвердили текст обета «священной весны» (Liv. XXII. 10. 1–8). В рассказе Ливия говорится лишь о предварительной консультации с коллегией понтификов и ответе верховного понтифика (ibid. 1), но можно уверенно утверждать, что приведенный Ливием текст обета был составлен понтификами: требовалась чрезвычайная четкость при формулировке столь масштабного обета, ибо только точное его выполнение освобождало от религиозных обязательств. Ведь и в данном случае обет был выполнен дважды, поскольку первое его выполнение понтифики признали совершенным *non recte* (Liv. XXXIV. 44. 1–3), т.е. «не в соответствии с обрядом», «ненадлежащим обрядом». Этот обет по решению сената и повелению народа произнес претор А. Корнелий Маммула (Liv. XXXIII. 44. 2), но известен и массовый обет, принятый в 174 г. до н.э. Поскольку он был дан по декрету жрецов священнодействий после просмотра Сивиллиных книг, то его слова народу подсказывал (*verba praeeunte*) член этой коллегии Кв. Марций Филипп (Liv. XLI. 21. 10–11). В иной ситуации такую же функцию при осуществлении массового сакрального акта вполне могли выполнить понтифики, тем более что именно они наиболее часто упоминаются в роли подсказчиков священных текстов.

Таким образом, два акта плебеев на Священной горе (посвящение и клятва) требовали участия понтифика. То обстоятельство, что все понтифики являлись патрициями, не должно смущать, ибо это был момент заключения компромиссного соглашения между сословиями. Патрициям пришлось тогда пойти на значительные уступки, так что жреческая помощь в двух сакральных актах плебеев вполне возможна и объяснима. Не исключено, что и патриции также принесли эту клятву или, во всяком случае, признали ее⁸³ – ведь сакральная неприкосновенность плебейских трибунов могла быть действенной только в случае признания ее, в той или иной степени, со стороны патрициев, которым тогда принадлежала вся полнота власти. Иначе клятва плебеев мстить за трибунов либо оказалась бы пустой и, соответственно, излишней угрозой, либо привела

⁸² При посвящении: Liv. IX. 46. 6; Varro. LL. VI. 61; Cic. De Dom. 133; CIL. III. 1933.

⁸³ По мнению Дионисия (VI. 89. 4, ср. 84. 3) поклялись «все римляне» (иное мнение: Liv. III. 55. 10). О том же говорят слова Ливия и Дионисия, вложенные в уста консулара Т. Квинкция, что патриции признали священную неприкосновенность трибунов по договору, заключенному с плебсом: *quos (sc. tribunos) foedere icto cum plebe sacrosanctos acceperissent* (Liv. IV. 6. 7, ср. II. 33. 1); οὗς ἱεροὺς εἶναι καὶ παναχρεῖς ἐψηφίσαντο οἱ πατέρες ἡμῶν θεοὺς καὶ δαίμονας ἐγγυητὰς ποιήσαντες, καὶ τοὺς μεγίστους ὀρκούς κατ' ἐξωλείας αὐτῶν τε καὶ τῶν ἐγγονῶν, εἰάν τι παραβιναίωσι τῶν συγκεκμημένων, κατομοσάμενοι (Dionys. XI. 55. 3). О взаимных договоренностях (αἱ ὁμολογίαι πρὸς ἀλλήλους), правда, путая события и не касаясь сакральной стороны, писал также Диодор (XII. 25. 2), о клятвах предков – Аппиан (BC. II. 138, ср. 108). Таким образом, античной историографии не были чужды взгляды о взаимной клятве патрициев и плебеев. О клятве и договоре между плебеями и патрициями (различные концепции) см. Rosenberg. Studien... S. 365–369; Altheim F. Lex sacrata. Die Anfänge der plebeischen Organisation. Amsterdam, 1940. S. 22–29, 35–38; Fritz. Op. cit. P. 894–895; Bleicken J. Das Volkstribunat der klassischen Republik. München, 1955. S. 6–7; Ogilvie R.M. Commentary on Livy. Books 1–5. Oxf., 1965. P. 313–314; Ridley. Op. cit. P. 540–545; Mitchell. Op. cit. P. 158–161; Михайловский. Ук. соч. С. 44–53.

бы к постоянному кровопролитию и бесконечным судебным процессам, законность которых трактовалась бы сторонами по-разному⁸⁴.

Высказанные соображения позволяют предположить, что и в 449 г. до н.э. верховный понтифик на электоральном собрании плебеев выполнял такие же, чисто сакральные, действия, а именно: принял участие в клятве плебеев о священной неприкосновенности трибунов⁸⁵. Интересное наблюдение сделала итальянская исследовательница К. Ринопфи. Она обратила внимание на одну деталь рассказа Ливия о переходе плебейского войска со Священной горы на Авентин для проведения трибунских выборов: «...с оружием они через город прошли в молчании (*silentio*) на Авентин» (*Liv.* III. 54. 10)⁸⁶. Слово *silentium* может быть и техническим термином из сакрального лексикона, обозначающим отсутствие неблагоприятных знамений, в том числе звуков, при осуществлении какого-либо акта⁸⁷. Речь, конечно, идет не о том, действительно ли молчали плебеи, проходя по Риму, а о том, почему историк упомянул это. Случайность здесь маловероятна, поскольку такого рода деталь никоим образом не обусловлена ходом повествования. На мой взгляд, объясняется она религиозным характером, в восприятии Ливия, предстоявших трибунских выборов. Именно эта, сакральная, сторона событий находилась в ведении верховного понтифика, а не политические задачи и цели. Перерыв трибунской власти во время правления децемвиров сделал необходимым возобновление основ трибуната, в том числе сакральных (*Liv.* III. 55. 4–7, ср. 54. 15). По интересной мысли Й. Ленгле, сакросанктным было учреждение трибуната, а не сами трибуны⁸⁸. Восстановление трибуната в 449 г. до н.э., после двухлетнего отсутствия, весьма схоже с его учреждением заново⁸⁹. Соответственно, такой акт мог потребовать обновления или, скорее, нового произнесения клятвы плебеев для создания сакросанктной должности. А для сакральной точности и надежности клятвы был нужен верховный понтифик, как, возможно, и в 494 г. до н.э.: ведь оба года отмечены компромиссными соглашениями и взаимными уступками патрициев и плебеев. Этим объясняется участие понтифика в избрании плебейских трибунов – участие, которое ограничилось обычными религиозными функциями. Руководство

⁸⁴ См. рассуждения на эту тему Б. Кюблера (*Sacrosanctum...* Sp. 1686–1687).

⁸⁵ Эту мысль высказал еще Л. Ланге, но он признавал и достоверность традиции об избрании плебейских трибунов под руководством верховного понтифика (*Op. cit.* S. 634–635). Напротив, И.В. Негушил справедливо, на мой взгляд, предположил (правда, без аргументации), что верховный понтифик при избрании плебейских трибунов в 449 г. до н.э. мог «иметь отношение только к возобновлению *lex sacrata* о неприкосновенности трибунов» (Ук. соч. Ч. 1. Харьков, 1894. С. 169. Прим. 3). По мнению Р.М. Огильви (*Op. cit.* P. 494–495), верховный понтифик осуществил при избрании трибунов какие-то обряды ауспикации, что сомнительно, поскольку собрания плебса по трибам проходили без императивных ауспий (см. прим. 62). На сакральное значение действий верховного понтифика при избрании плебейских трибунов обращали внимание и другие исследователи (историографию см. *Rinolfi.* *Op. cit.* P. 18. Not. 62).

⁸⁶ *Rinolfi.* *Op. cit.* P. 34–38.

⁸⁷ *Cic.* Div. II. 71: ...*silentium dicimus in auspiciis, quod omni vitio caret.* Ср.: *ibid.* 72; *Liv.* VII. 6. 4; VIII. 23. 15; IX. 38. 14; X. 40. 2; *Plin.* NH. VIII. 223; *Val. Max.* I. 1. 5; 4. 2; *Fest.* P. 56L, s.v. *caduca auspicia*; P. 268L, s.v. *prohibere comitia*; 474L, s.v. *silentio surgere*; 476L, s.v. *sinistrum*; *Plut.* Marc. 5. См. также выражение *favere linguis*: *Cic.* Div. I. 102; *Sen.* Vit. beat. XXVI. 7; *Plin.* NH. XXVIII. 11; *Serv.* Ad Aen. V. 71; *Fest.* P. 78L, s.v. *faventia*.

⁸⁸ *Lenge J.* *Tribunus plebis* // RE. Reihe 2. Halbbd 12. Stuttgart, 1937. Sp. 2460.

⁸⁹ Т. Моммзен называет учреждение трибуната и его восстановление революционными актами, равными по своей сути и значимости (*Op. cit.* Bd 1. S. 220; Bd 2. S. 272. Anm. 1).

же выборами осуществил один из двух предводителей плебейского войска. Можно предположить, что таким же образом были избраны первые трибуны при учреждении этого института в 494 г. до н.э. – ведь и тогда у плебейского войска, покинувшего Рим, имелись свои руководители, которые вели переговоры с посланцами сената.

Возможен еще один гипотетический вариант развития событий. Имеется устойчивая традиция о том, что лишь в 471 г. до н.э. плебейские трибуны стали избираться в собраниях, организованных по трибам вместо прежних, организованных по куриям⁹⁰. Дионисий и Зонара подчеркивали, что этот переход был связан с желанием плебейских лидеров упростить процедуру принятия плебейских решений, в том числе за счет отмены обязательных ауспиций (Dionys. IX. 41. 3; 49. 5; Zon. VII. 17). Но если первоначально плебейских трибунов избирали на патрицианско-плебейских куриатных комициях, происходивших с обязательным осуществлением импетративных ауспиций (*auspicato*), то, соответственно, их должен был проводить тот, кто обладал этим правом. Таким лицом мог быть только консул (диктатор) или – если признавать за верховным понтификом магистратские полномочия и по аналогии с выборами 449 г. до н.э. – верховный понтифик⁹¹. Однако имеется достаточно оснований, чтобы заподозрить здесь ошибку греческих авторов. Крайне странно, чтобы плебеи, добившись в результате поистине революционного акта права избирать своих защитников, добровольно отдали бы руководство этими выборами в руки патрициев. Еще более странным выглядит желание отказаться от испрашивания божественного одобрения ради политических целей. Такой взгляд явно проистекает из прагматического отношения к религии, ярко проявившегося в конце Республики. Логика ошибочных рассуждений Дионисия вполне очевидна: в его время, как он прекрасно знал, существовали трибутные и куриатные (правда, ставшие формальностью) комиции, причем оба типа комиций включали уже и плебеев, и патрициев. С точки зрения ауспиций они отличались именно так, как указал Дионисий. Он также знал, что некогда плебеи стали собираться не по куриям, а по трибам, и перенес известное ему различие двух вариантов на прошлое, хотя тогда трибутные собрания были собраниями только плебеев (соответственно, комициями не являлись). Но точно так же одни плебеи, без патрициев, могли организовать свои собрания (*comitia*) и по куриям. Такие сходки не нуждались в обязательном осуществлении импетративных ауспиций, ибо являлись собственно плебейским актом. Впрочем, не исключено, что выборы первых плебейских трибунов действительно были проведены на куриатных комициях при ауспициях, как считал Цицерон, процитированный Асконием: *itaque auspicato postero anno (после I сессии. – А.С.) tribuni plebis comitiis curiatis creati sunt* (Cic. ap. Asc. Pro Corn. 68). Такой вариант вполне возможен во время компромиссных соглашений, к которым относится и учреждение плебейского трибуната. Раз возникнув (парадоксально с помощью патрицианских властей), эта должность далее была уже в состоянии самовоспроизводиться.

В пользу данного варианта говорит одна из версий традиции, согласно которой решающую роль в примирении плебеев и патрициев сыграл друг плебса Маний Валерий (по другой версии – Менений Агриппа, рассказавший извест-

⁹⁰ Cic. ap. Asc. Pro Corn. 68; Liv. II. 56. 2–3; 58. 1; Dionys. VI. 89. 1; IX. 41. 2–3; 43. 4; 49. 4–5 (ср. X. 4. 3); Zon. VII. 17. Ливий не уточняет, как были организованы трибунические собрания до 471 г. до н.э.

⁹¹ Таково мнение Р.Е. Митчелла (Op. cit. P. 213).

ную басню о желудке). В тот момент Валерий был диктатором⁹² (по другой версии, более распространенной, – сложил полномочия диктатора перед сецессией, поскольку не смог осуществить свои обещания плебсу⁹³). Если дело обстояло именно так, – понятно, что традиция о первых годах Республики вызывает значительные сомнения, – то плебс мог доверить избрание своих первых защитников облеченному высшей властью представителю того рода⁹⁴, который прославился симпатиями к простому народу.

Те же соображения позволяют предположить, что и в 449 г. до н.э. избранием плебейских трибунов руководил кто-то из консулов, которыми стали такие популярные среди плебса личности, как Л. Валерий и М. Гораций. Правда, по мнению Ливия, консульские выборы состоялись вскоре после трибунских. Достоверность столь точных данных поздней традиции весьма проблематична. Такое представление могло зародиться из сопоставления известных дней вступления в должность консулов и трибунов⁹⁵. Обращает на себя внимание, что краткому периоду между избранием трибунов и консулов Ливий приписал два плебисцита, которые, по меткому замечанию Э. Герцога, столь же излишни, как и невозможны: излишни, поскольку эти решения были утверждены ранее (постановлением сената)⁹⁶; невозможны, поскольку односторонние решения такого рода со стороны плебса не могли иметь никакого значения, а соответствующие полномочия у трибунов появились позже – по закону Валерия и Горация (Liv. III. 55. 3) или еще позже⁹⁷. О возможности иной последовательности восстановления политического строя, существовавшего до децемвиров, говорит и то обстоятельство, что плебейские собрания, в том числе выборы плебейских трибунов, могли проходить (или всегда проходили?) в присутствии консула, претора либо диктатора⁹⁸, следовательно, в какой-то степени находились под контролем магистрата с империем.

Такова вторая возможная гипотеза – о проведении выборов плебейских трибунов магистратом-патрицием. Все же мне она кажется менее вероятной, чем первое предположение – о руководстве со стороны военного трибуна-плебея. Впрочем, для вопроса о характере власти верховного понтифика выбор между ними не имеет принципиального значения.

И последнее уточнение: даже если сведения традиции о выполнении политических функций верховным понтификом верны, все же явно заметны следы смещения акцентов и у Ливия, и у современных исследователей. В конце концов, в рассказе Ливия верховный понтифик руководил собранием не в силу своих жреческих полномочий, а будучи наделен новыми полномочиями решением сената (Liv. III. 54. 5), хотя этот акт также уникален и, соответственно, требует

⁹² Cic. Brut. 54. Ср. CIL. I. Ed. 2. P. 189 (элогий Мания Валерия, составленный при Августе); Liv. VIII. 18. 12 (о некоем диктаторе до 331 г. до н.э., который с помощью религиозного ритуала прекратил сецессию плебса); Val. Max. VIII. 9. 1; Plut. Pomp. 13. О роли Валерия в примирении см. также: Dionys. VI. 43–44; 57. 1; 58–61; 71; 88. 2–3.

⁹³ О сторонниках той и другой версии в историографии см. Volkman H. M'. Valerius (№ 243) // RE. Reihe 2. Halbbd 15. Stuttgart, 1955. Sp. 119.

⁹⁴ О политической роли Мания Валерия ср. похожую гипотезу Э. Герцога (Op. cit. S. 147).

⁹⁵ См. Herzog. Op. cit. S. 188. Anm. 1.

⁹⁶ Liv. III. 54. 14–15, cp. 53. 4; 54. 2, 5.

⁹⁷ Herzog. Op. cit. S. 188. См. также Ogilvie. Op. cit. P. 497.

⁹⁸ Liv. XXV. 3. 19 (cp. 4. 1); Val. Max. IX. 7. 1; App. BC. I. 28; III. 31; Suet. Caes. 76. 2; Dio Cass. XLII. 20.

объяснения. К. Ринольфи попыталась доказать, что верховный понтифик мог замещать других должностных лиц⁹⁹. Но вряд ли может рассматриваться в качестве аргумента приведенный ею пример из 295 г. до н. э., когда в битве при Сентине верховный понтифик М. Ливий Дентер заместил погибшего консула П. Деция Муса, совершившего обряд самопожертвования подземным богам. Ведь перед добровольной смертью консул в силу своих полномочий передал понтифику ликторов и вручил ему пропреторскую власть (Liv. X. 29. 3). Таким образом, понтифик (и консуляр) М. Ливий заместил консула по его приказу, получив новые полномочия, а не самостоятельно в силу собственных полномочий понтифика.

Итак, по моему мнению, нет основательных причин приписывать верховному понтифику политические функции при проведении собраний любого типа, а тем более руководство ими¹⁰⁰. Этот вывод относится и к его роли при избрании плебейских трибунов в 449 г. до н.э.: она ограничилась помощью в проведении сакрального акта – клятвы плебеев, обусловившей священную неприкосновенность их защитников (трибунов). Такая функция не выходит за рамки того, что мы знаем о положении верховного понтифика (и, в целом, жрецов) в республиканской политической системе. Память о соучастии верховного понтифика в восстановлении трибунской власти со временем трансформировалась в представления о его руководящей роли в этом процессе, отразившиеся в рассказе Ливия. Не исключено, что на Ливия повлияли и современные ему реалии, а именно, создание Августом системы единоличной власти, где плебейский трибунал и верховный понтификат имели особо важное значение, по своей сути принципиально отличаясь от соответствующих республиканских должностей. В эпоху Принципата они стали настоящими общегосударственными институтами и в обязательном порядке включались в полномочия принцепса в отличие от таких прежде значимых магистратур, как цензура или консулат. Конечно, предложенная гипотеза в силу ограниченности сведений, к тому же относящихся к «темным векам» римской истории, не может претендовать на окончательное решение проблемы. Но, во всяком случае, такая трактовка событий, обычно рассматриваемых как уникальные, позволяет объяснить их исходя из общих представлений об особенностях и принципах функционирования политической системы Римской Республики.

PONTIFICES AND CITIZENS' ASSEMBLIES (*CONTIONES, CONCILIA, COMITIA*) IN THE EPOCH OF THE ROMAN REPUBLIC

A. M. Smorchkov

Two problems are treated by the author: (1) the competence of *pontifex maximus* at *comitia calata* and (2) the role he played at the election of plebeian tribunes in 449 BC. Having analysed the cases of *arrogatio* of Clodius and Octavian and three pieces of evidence given by Tacit and Gellius mentioning pontifices' participation in *comitia calata*, the author comes to

⁹⁹ Rinolfi. Op. cit. P. 27–28, 37–38.

¹⁰⁰ За пределами данной статьи остались судебные комиции, к которым с апелляцией обращались жрецы, оштрафованные верховным понтификом. По этому вопросу имеется классическое исследование Й. Бляйкена, чьи выводы также опровергают тезис о политических полномочиях верховного понтифика: Bleicken J. Kollisionen zwischen Sacrum und Publicum // Hermes. 1957. Bd 85. Ht 4. S. 449–468.

the conclusion that pontifices conducted preliminary inquest and issued a decree about the possibility of adoption, but could not summon *comitia calata*, direct them or/and move for adoption. Only a magistrate with *imperium* and with the right to hold auspices could do that.

The main purpose of the article is to analyse Livy's account (III. 54. 5–14) of the fact that after the overthrow of *decemviri* the election of plebeian tribunes was conducted by the *pontifex maximus*. In the author's opinion, the fact that the pontifex fulfilled political functions does not agree with the principles of organisation of the sacral sphere in the Roman Republic. It is not improbable that Livy was influenced by the contemporary practice, i.e. by the system of personal leadership created by Augustus, in which the role of plebeian tribune and pontifex maximus was very important. Comparing the establishment of plebeian tribunes in 494 BC with the election of 449 BC, the author shows that at the latter the role of *pontifex maximus* was limited to his usual assistance at the sacral act, i.e. at administering an oath to the plebeians ensuring tribunes' sacral immunity. Comparing the election of 449 BC with the faulty election of plebeian tribunes in 293 BC, he points out that in 449 BC it was conducted by one of the leaders of the plebeian «army». In this light Livy's statement that a pontifex could conduct quasi-*comitia* electing *pontifex maximus* seems to be doubtful, too. Most probably, it was the consul who was in charge of electing priests at such *comitia*. The conclusion is that pontifices did not have any political power as far as popular assemblies were concerned.